

DOI: 10.37930/1990-9780-2026-2-88-85-97

Д. Р. Белоусов¹

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОТ ОЧЕВИДНЫХ СДВИГОВ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ²

Выявление ключевых тенденций и структурных сдвигов в развитии мировой экономики, обусловленных переходом от биполярной модели к «мозаичному» миру взаимодействующих центров силы, а также определение возможных позиций и роли России в формирующейся новой архитектуре международных экономических отношений в современных условиях приобретает важное не только теоретическое, но и прикладное значение. В результате исследования зафиксирован парадоксальный феномен: в условиях регионализации производства, прикладной науки и обеспечения безопасности финансовая и институциональная системы остаются глобальными, порождая конфликт между «геоэкономической мозаикой» и монополярным финансовым порядком. В статье показано, что традиционные инструменты сценарного анализа утрачивают прикладную валидность – глобальный гегемон (США) с равным успехом создаёт и разрушает правила, порождая не порядок, а хаос. На основе проведенного анализа установлено, что Китай стал ведущим торговым партнёром для вдвое большего числа стран и их экономик, чем США, наращивая долю в глобальных патентах и НИОКР, но при этом избегая роли нового гегемона. Зафиксирован переход от иерархической модели мироустройства к «мозаичной». Россия, обладая уникальной культурно-цивилизационной матрицей, может предложить оригинальный ответ на глобальные вызовы – «третью позицию» между техногенной экспансией и эко-стагнацией, между индивидуализмом-без-общности и корпоративной манипуляцией, между ИИ-«чёрным ящиком» и технофобией. Однако условием реализации этой роли является опора культуры и ценностей на реальную технологическую, экономическую и военную мощь. Задача России в новых условиях, опираясь на высказанные в статье положения, стать не объектом, а субъектом новой «большой сделки».

Ключевые слова: глобальная экономика, деглобализация, регионализация, технологический суверенитет, демографический кризис, искусственный интеллект, гегемония, мозаичный мир.

УДК 330.352

Особенность текущей ситуации в мире состоит в том, что тех инструментов, с помощью которых обычно проводится анализ мировой экономики в прикладных целях,

---

¹ *Дмитрий Рэмович Белоусов*, заместитель генерального директора, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (117186, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), канд. экон. наук, e-mail: dbelousov@forecast.ru

² Подготовлено по материалам доклада на XI Санкт-Петербургском экономическом конгрессе (СПЭК-2026) «Экономика России в условиях трансформации мироустройства и перспектив нооперехода» (26 марта 2026 года).

в целях сценарирования, становится недостаточно [1]. Это, в первую очередь, инструменты определения тех метрик, в которых можно описывать сценарии и, соответственно, тех метрик, в которых можно определять свои действия в рамках этих сценариев и давать рекомендации по совершенствованию политики.

Во внешней среде происходит подъём новых игроков. Происходит переход мировой экономики к модели взаимодействующих и борющихся «центров силы», консолидирующих ресурсы стран-участников в интересах безопасности и развития. В мир-системе возникли лакуны, заполняемые новыми странами-лидерами – как самостоятельными, формирующими «заявку» на формирование собственных «центров силы» / суперэкономик, так и сырьевых / производственных периферий новых центров. Мир диссоциируется на «созвездие мир-систем» разного уровня (взаимодействующих между собой, но высоко ставящих внутренние связи в рамках логики экономической безопасности).

При этом, процесс регионализации / деглобализации происходит нелинейно – интеграция и дезинтеграция одновременно: производство, прикладная наука и сфера безопасности регионализуются, а финансовая и институциональные системы остаются глобальными. Идет регионализация производства (китайская национальная инновационная система; американская «реиндустриализация»; российское импортозамещение). Но регионализации финансовых систем не произошло: проекты альтернативных валютных пространств (Asio, Динар, Алтын и т.д.) не заработали.

США удалость транслировать национальные юрисдикции на глобальный уровень (Индия и даже Китай реагируют на санкции США, в том числе, во вред собственным интересам). Системные санкции против России оказались лишь умеренно эффективными, с формированием транснациональных систем их обхода. Но и системной «революции Юга против Запада» нет: не удастся выстроить даже регулярную глобальную расчётную систему, параллельную долларовой системе.

Очевидно, происходит изменение мировой архитектуры, подъём новых игроков. Однако дело даже не в том, что при этом происходит технологическое выравнивание стран мира. Например, если бы Россия начала специальную военную операцию (СВО) в середине 1990-х гг., нам просто некуда было бы в условиях санкций обратиться за технологиями, за современными видами сырья и комплектующих, за современными видами потребительских товаров. Сейчас есть известный набор предложений, потому что США уже не являются абсолютным и единственным поставщиком технологий и товаров в сфере микроэлектроники, в области новых материалов и т.д.

Дело в том, что такая ситуация складывается на фоне существенного усиления и «интерференции» как «медленных», долгосрочных, так и «быстрых» процессов.

Во-первых, технологии становятся главным фактором развития, ключевым фактором безопасности и конкурентоспособности в современном мире. Они позволяют как сформировать технологический отрыв (и на этой основе извлекать ренту), так и эффективно обходить ограничения со стороны труда и ресурсов.

Во-вторых, обостряются проблемы демографии. В мире практически не осталось зон демографического роста. Во всех основных странах и регионах ожидается ухудшение демографической ситуации: старение населения, сжатие и удорожание трудовых ресурсов (в Японии, например, происходит абсолютная депопуляция).

В-третьих, состояние климата становится глобальной проблемой. Изменение климата и «климатическая/углеродная повестка» становятся важным экономическим фактором. В долгосрочной перспективе мир может столкнуться с изменением «климатической географии».

В-четвертых, дефицит и удорожание труда, рост инфляции из-за структурных сдвигов и долговых навесов ведут к «глобальному замедлению» – долгосрочному снижению темпов развития мировой экономики.

С одной стороны, формируются новые центры силы, это – нормальная ситуация перехода мировой гегемонии, сначала экономической, затем и институциональной. Происходит переход мировой экономики к модели взаимодействующих и борющихся «центров силы», консолидирующих ресурсы стран-участниц ради безопасности и развития. В мир-системе возникли лакуны, заполняемые новыми странами-лидерами – как самостоятельными, формирующими «заявку» на формирование собственных «центров силы» / суперэкономик, так и сырьевых / производственных периферий новых центров. Если в 2000 г. ситуация была довольно простая: есть основная ось США-Китай и есть прочие страны, которые так или иначе по этой оси распределены, то сейчас мы видим скорее «созвездия». Мир диссоциируется на «созвездие мир-систем» разного уровня, формирующихся около Китая, США, Европы. Эти «мир-системы» взаимодействуют между собой, но высоко ставят внутренние связи в рамках логики экономической безопасности.

Поэтому мы имеем, скорее, не «иерархический», а «мозаичный» мир, в котором игроки «второго уровня» обрели небывалые ранее возможности – по крайней мере, в смысле выстраивания собственной линии поведения по отношению к позиции игроков «первого уровня». С другой стороны, новые игроки быстро формируют макрорегиональные кооперационные сети, национальные инновационные системы.

Новые капиталы формируются вокруг «становящейся экономики» цифровизации и «безграничного роста» (цифра: капитализации доверия к компетенциям) / ESG (капитализация стабильности, но не роста). За этим, в свою очередь, стоит конфликт между новым цифровым и промышленным капиталом (предполагающим экспансию в физическом и виртуальном мирах – И. Маск / Д. Трамп) и новой же наднациональной бюрократией, ориентированной на «эко-стабильность».

Налицо конфликт «момента перехода гегемонии» – причем перехода, по-видимому, «двухуровневого». С одной стороны, старые гегемоны постепенно «с боями отступают», удерживая ряд ключевых позиций в глобальном технологическом, институциональном и финансовом пространстве. При этом, в отличие от предыдущих аналогичных случаев, глобальная гегемония постепенно уходит, но новый гегемон ее не перехватывает: Китай не имеет для этого ни достаточных ресурсов, ни амбиций.

За этим процессом фрагментации стоят глубокие сдвиги в плане формирования капиталов. В принципе, это содержание тех конфликтов, которые сейчас заметны внутри США. Старые промышленные капиталы входят в альянс с технологическими капиталами, опирающимися на безграничную мощь цифрового мира. И если для промышленных капиталов мир физически ограничен нашей планетой и ближайшим космосом, то цифровой мир ограничен разве что совокупной мощностью процессоров. Но одновременно возникает и глобальная бюрократия, которая нашла идеальный вектор своего

развития – «капитализацию неразвития»: поиск и решение задач, связанных с тем, что человечество не использует природные ресурсы, ландшафты и т.д.

С другой стороны, можно заметить, что этого перехода в полной мере нет: не формируется система новых институтов в то время, как старые ускоренно разрушаются самим гегемоном – США. Президент США Д. Трамп вводит санкции, не просто противоречащие национальному законодательству (в конце концов, это их законодательство, они вправе поступать с ним так, как считают должным), но противоречащие самой роли США в качестве страны – ключевого участника Всемирной торговой организации. При этом Китай, который традиционно считается страной, подрывающей экономический порядок своими системами субсидий, настаивает на сохранении свободы торговли.

Происходит регионализация производства, прикладной науки и сферы безопасности (китайская национальная инновационная система; американская «реиндустриализация»; российское импортозамещение), но пока что не произошло регионализации системы международных платежей, системы институтов оценки оборота активов и т.д. Мировая финансовая система остаётся, по большому счету, моноцентричной. Системные санкции против России оказались лишь умеренно эффективными, с формированием транснациональных систем их обхода, однако и системной «революции Юга против Запада» не случилось: на данный момент не удастся выстроить даже регулярную глобальную расчётную систему, параллельную доллару.

Появился новый структурный вызов: ведущие страны мира ведут дело к новому перераспределению ролей и функций в глобальном разделении труда. Происходит новое перераспределение производственных потенциалов: реиндустриализация США, завершение «второй модернизации» Китая. Старый глобальный (дис-)баланс производства, сбережений, долгов и потребления – разрушен. На этом фоне велика вероятность новой волны (макро-)региональных конфликтов, сопровождающих дрейф «глобального центра силы» от США (к кому или чему? к хаосу?). Традиционно, даже части подробных тектонических изменений было достаточно для начала силового «разогрева». По итогам неизбежного кризиса сложится новый мир, со своими институтами и структурой лидерства.

Таким образом, складывается конфликт «момента перехода гегемонии», причем перехода, по-видимому, «двухуровневого». С одной стороны, старые гегемоны постепенно «с боями отступают», удерживая ряд ключевых позиций в глобальном технологическом, институциональном и финансовом пространстве. При этом, в отличие от прошлого, новый претендент на глобальную гегемонию не перехватывает: Китай не имеет для этого ни достаточных ресурсов, ни амбиций.

В этой ситуации формируется не иерархический мир, не мир союзов, а мир мозаик. Мир, в котором субъекты связаны не системой линейных связей, а скорее системой неких локусов взаимодействий друг с другом. А как будет устроен новый мир в итоге – совершенно непонятно, мы даже близко пока этого не видим. За пределами этой «великой тряски», в которую вступил старый мир, сложится какой-то новый мир.

В этом мире в мировой экономике растёт доля стран БРИКС и снижается доля стран G7. Отдельный сюжет в этих процессах – восхождение Китая. И дело не в том, что Китай становится ведущим торговым партнером для большего количества стран. Дело еще и в том, что он имеет дело с большим количеством всё более богатых стран,

от поставщика дешёвого товара, включающегося в оборот экономик бедных, он постепенно отходит. Количество стран, для которых Китай стал главным торговым партнёром, неуклонно растёт. К началу 2020-х как количество таких стран, так и суммарный размер их экономик уже были вдвое выше, чем тех, для которых главный партнёр – США. Китай становится игроком, торгующим высокомаржинальными товарами и торгующим с богатыми. К началу 2020-х гг. как количество таких стран, так и суммарный размер их экономик уже были вдвое выше, чем тех, для которых главный партнёр – США.

Примерно та же тенденция заметна в сфере технологий. В целом Китай теснит США и страны Запада в числе публикаций, в числе патентов (даже в традиционно «западной» сфере – биотехнологиях, см. рис. 1), в объёмах затрат на исследования и разработки. С 2000 года в мире значительно выросла доля КНР в научных публикациях и патентных заявках РСТ. С 2000 года произошёл значительный рост доли КНР в общемировых расходах на исследования и разработки, хотя старые технологические страны сохраняют лидерство в отдельных высокотехнологичных отраслях. Доля КНР в общем количестве патентных триад (патентов защищённых в трёх крупнейших патентных ведомствах: ЕС, США, Япония) растёт медленнее, так как не все китайские изобретатели заинтересованы в выводе своих продуктов на внешние рынки.

При этом Китаю удаётся выстраивать связь между исследованиями и производством через НИОКР. Это очень важно, потому что это – вопрос превращения науки в источник денег, в источник капиталов. В Советском Союзе учёных было много, только Советский Союз рухнул в том числе и потому, что такое огромное количество людей не создавало или создавало крайне незначительные объёмы капитала.

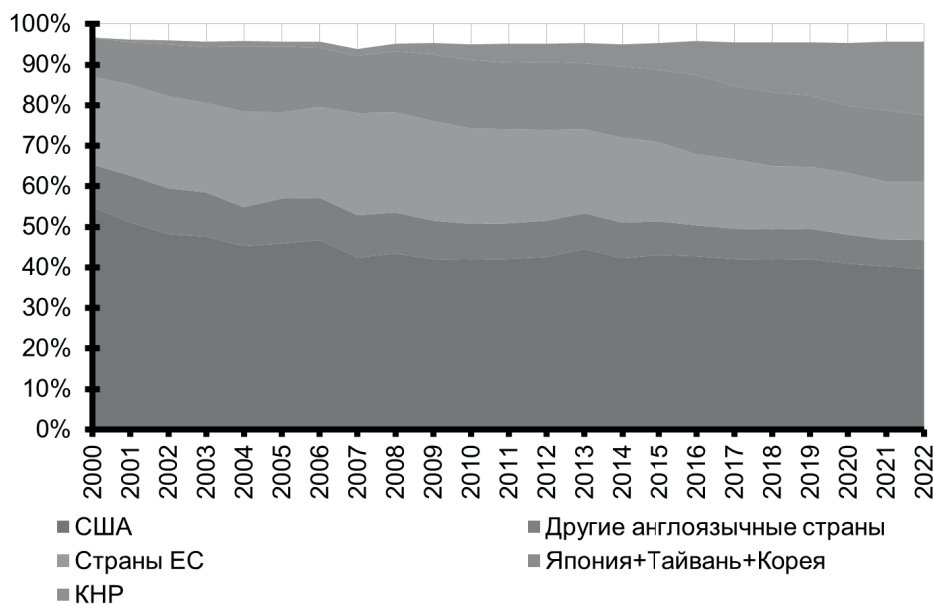

Рисунок 1. Доля стран в патентных заявках в сфере биотехнологий.

По показателям военной мощи современный абсолютный гегемон очень силен, но больше не абсолютен. И по наличию «мобильной воздушной мощи» (авианосцы), и по ядерному оружию – США лишь сильнейший / очень сильный игрок. Способный нанести огромный ущерб противнику, но не обладающий над ним стадийным превосходством (можно сравнить с ситуаций военных конфликтов в Ираке 1991 / 2003 гг.).

Все это классический процесс «размывания» гегемонии. Аналогичным образом, например, перед Первой Мировой войной происходило размывание доминирования Великобритании сначала в мировой торговле (Германия всё больше «откусывала» долю мирового транзита), потом в военно-морской мощи. В этой связи можно обратить внимание, что в 2026 г. США больше не обладают абсолютной гегемонией в мобильной части воздушной мощи, в авианосцах. Если в 1990-е гг. ситуация была такой: «Есть американские авианосцы и ещё вроде какие-то», – то сейчас на США приходится меньше половины тех единиц, которые осуществляют глобальную проекцию силы (рисунок 2).

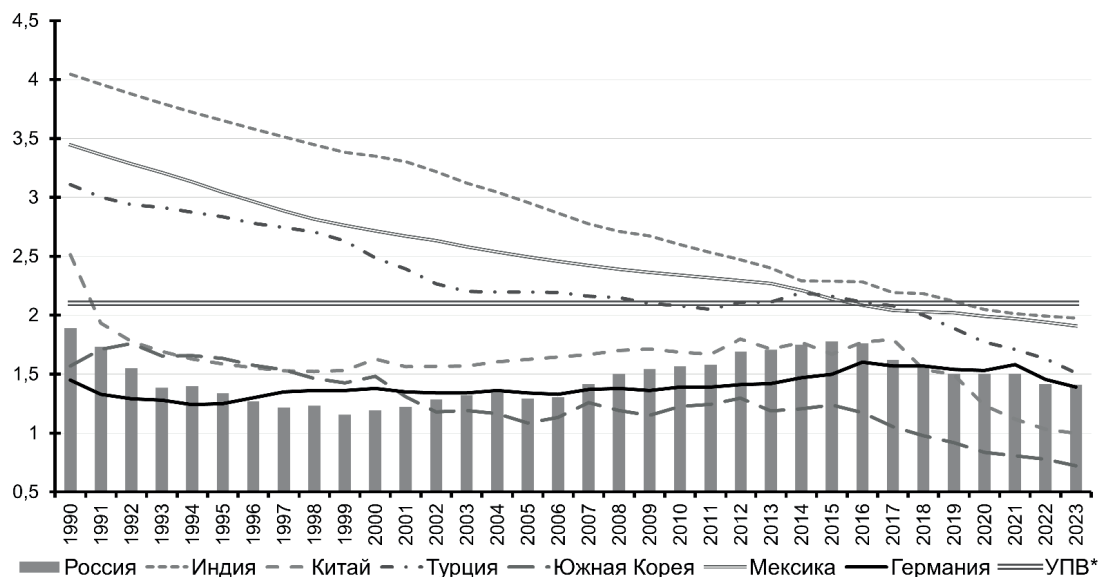
Рисунок 2. Количество авианосцев и авианесущих кораблей по странам мира на начало 2026 г.

А если учесть, что современный боевой корабль, авианосец – очень дорогая единица вооружения, требующая сложного и затратного технического обслуживания, то, похоже, что по состоянию на март 2026 г. в зоне Персидского залива у американцев сосредоточено всё, что можно сконцентрировать в этой зоне. Это – новая ситуация, это ситуация мира без однозначного гегемона. Да, США – крупнейший силовой игрок, крупнейший, но больше не доминирующий абсолютно.

Далее следует остановиться на проблемах демографии. Демографический кризис наблюдается во всех основных странах. Сочетание демографического перехода и урбанизации означает снижение рождаемости и быстрое старение населения. Дешевый труд – все большая редкость. Отсюда вытекает ряд следствий: роботизация и искусственный интеллект (ИИ), как главный тренд; активный поиск дешевого труда в аграрных и аграрно-индустриальных регионах мира; усиление конкуренции за Центральную Азию и Африку.

Большинство стран мира и практически все макрорегионы столкнулись со снижением рождаемости (рисунок 3). Регионом высокой рождаемости пока еще остается

Африка, но это лишь потому, что в Африке процесс снижения рождаемости идет медленнее.

* уровень простого воспроизводства

Рисунок 3. Количество рождений на 1 женщину в отдельных странах мира

Проблема в том, что происходит поколенческий сдвиг. Не заметно, чтобы у новых поколений возникал какой-то период времени, когда их представители вдруг начинают заводить детей. Этот период наступал все предыдущие десятилетия: когда-то в 20 лет, когда-то – в 30 лет. Сейчас вообще непохоже, чтобы был какой-то период, когда молодые люди сделали карьеру и после этого заводят детей. И это гарантирует, что ещё лет 10 – и мир столкнется с каким-нибудь третьим демографическим переходом, когда менее одного ребёнка на женщину будет сначала в развитых странах, а потом и в мире в целом. И пока непонятно, что означает международная конкуренция и международные отношения в таком мире.

Вся эти факторы выводят нас во внесценарную логику. Ещё в 2022–2024 гг., когда в рамках проекта «Горизонт 2040», инициированного Правительством Российской Федерации, разрабатывались сценарии развития, одна из важнейших предпосылок была простой, ясной и понятной. Раньше казалось, что в основе логики сценарирования – сдвигка от более «институционализированных» к более «хаотичным» сценариям (рисунок 4).

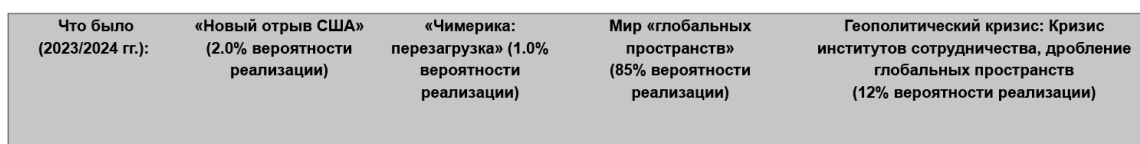

Рисунок 4. Схема предыдущей логики сценарирования

При том, что «центр силы» в обязательном порядке, перестраивает под себя основные институты. Сейчас же США – оставаясь, в принципе, сильнейшим из игроков и ядром системы глобальных институтов, с равным успехом создают правила и разрушают их («санкции Трампа»; операции против Афганистана, Ирака и Ливии породившие не модернизацию соответствующих стран, но хаос; нападение на Иран). Гегемон, порождающий, не выгодный ему порядок, но хаос – это ОЧЕНЬ странно. И хаос, конечно же, будет... Сейчас мир оказался в ситуации «океана с мегалодоном» (ср. «Мир-саванна» по С.Б. Переслегину [2]). Структурирование сценариев по наличию и масштабам хаотического компонента – самый простой и очевидный подход. Воспользуемся им:

1. Новый отрыв США: США уходят в технологический и постпроизводственный отрыв, формируют новую гегемонию на базе ИИ, термоядерной энергетики и т.д. и диктуют свои правила. Такой сценарий казался маловероятным (2-2.5% вероятности), но возможным.

2. Еще один сценарий – «Чимерика: перезагрузка»: китайцы с американцами передоговорятся. Это тоже очень маловероятно (порядка 1%), но возможно. Такой мир был бы более полярным, но и более структурированным.

3. «Мир глобальных пространств» (оценивался в 80-85%). Сейчас наиболее вероятно, что мировое пространство развалится на локусы субъектов разного уровня – производственные и институциональные.

4. И, наконец, не исключён (10-15%) вариант глобального хаоса, когда США теряют возможность устанавливать правила, и, соответственно, правила рушатся вообще или рушатся до предельно плотных пространств.

Более того, США, оставаясь, в принципе, сильнейшим из игроков и ядром системы глобальных институтов, с равным успехом создают правила и разрушают их («санкции Трампа»; операции против Афганистана, Ирака и Ливии, породившие не модернизацию соответствующих стран, но хаос; нападение на Иран). В результате возникает очень странная ситуация, когда гегемон порождает не (выгодный ему) порядок, но хаос.

Сейчас ситуация радикализировалась: вместо более-менее рационализируемого мира мы обнаруживаем ситуацию, которую впервые С.Б. Переслегин назвал «мир саванны», или «мир с абсолютным хищником», где есть крупнейший игрок, есть, формально говоря, правила, но игрок сам же эти правила разрушает. И правила в отношении торговли (тарифные войны всех против всех), и правила во внешней политике (на Иран напали, «потому что могли»), и, в общем-то, все остальные – в отношении культуры, спорта и всего остального. При этом основной игрок остаётся основным игроком. И ситуация, когда у вас не происходит замещения одних правил, одних клубов другими – это, повторю, очень странная ситуация.

В этих условиях, как представляется, система сценариев утрачивает варианты со стабильными, управляемыми исходами и сворачивается уже до уровня неопределенности в решении двух вопросов:

- 1) в какой форме реализуется кризис?
- 2) кто именно, в конечном счете, заплатит за его разрешение в ходе новой «большой сделки»? Кто будет субъектом, а кто – ресурсом договоренностей?

Попытаемся описать контуры новой «большой сделки» (после завершения острого кризиса, когда это произойдет? К 2035+? К 2040? ...):

1. Фиксация новых позиций «центров силы», правил взаимодействия глобальных и региональных платежных систем, систем оборота активов и институтов. Если наша страна станет «двигателем» и «мозгом» создания общеевразийского / ЕАЭС+ / БРИКС или подобного пространства – она сможет стать одним из главных «архитекторов» нового мирового экономического порядка.

2. Правила стыковки «цифровой» и традиционной финансовых инфраструктур, интеграции «экономики цифровых метавселенных» с традиционными экономиками. Правила оборота «новых» цифровых активов, их страхования, инвестирования, оценки рисков и т.д.

3. Правила оборота данных, формирования (или стыковки макрорегиональных?) трансграничных производственных, логистических и финансовых цепочек, оборота «окрашенных денег». Права человека, сообществ, обществ, государств в цифровом мире. Взаимодействие национальных моделей ИИ, институтов «связок» ИИ-общества.

4. «Перезагрузка ВТО» под логику многоуровневой (а не «плоской», как раньше) системы международных экономических связей, повышения требований к широко понимаемой безопасности и экологичности. Антропоток в условиях демографических дефицитов и их регулирование.

Отдельный вопрос – ситуация с глобальным долгом. Это проявление того кризиса, в который мы вступили в 2010 г., в разрушение отношений «должник-кредитор». Кризис «финансовой оси» США – Китай (шире «большой Запад» – АТР) необратим: объективной основы старой модели, избытка сбережений в демографически молодых странах Востока просто нет. Разрушение глобального финансового баланса привело к «финансовому самообеспечению»: наращиванию долгов во всех основных странах (Китай: долг более 300% ВВП, сосредоточен в плохо контролируемых региональных банках; американские проблемы с госдолгом всем известны), росту пузырей на новых технологических рынках.

Также возникли трудноуправляемые дефициты на финансовых рынках развитых стран из-за рефинансирования долгов на собственных ресурсах, в Китае – на региональных рынках кредитования промышленных и строительных проектов и т.д. Сейчас практически нет крупных стран, кроме России, которые бы не были обременены избыточными долгами, а совокупный объем государственного долга превысил 100 трлн долл. (рисунок 5).

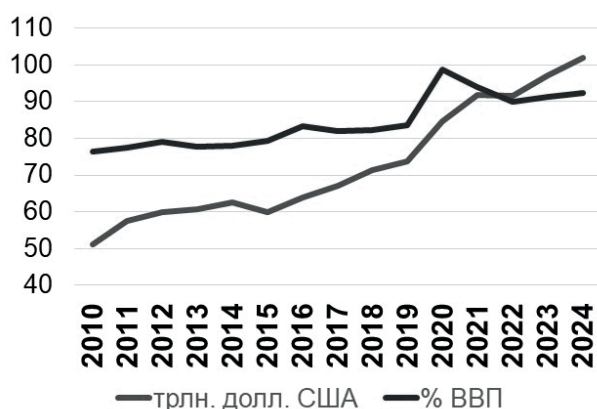

Рисунок 5. Совокупный объем государственного долга в 2010–2024 гг.

Вызов Иного. В долгосрочной перспективе перечисленные тенденции создают качественно новые, не существующие сегодня вызовы в сфере социально-культурного развития, технологий, геополитики/экономики, климата. К их числу относятся:

– риск сжатия и быстрого старения населения, как в России, так и в большинстве других экономически развитых стран мира;

– переход от двадцатилетия глобального мира к десятилетию «сражающихся царств». Качественный рост значимости проблем безопасности, включая экономическую. Неустойчивый / манипулятивный доступ к рынкам;

– виртуализация потребления. Возникновение цифровых рынков / сред / метавселенных как крупнейших рынков оборота товаров (как физических, так и цифровых), заработка / ведения бизнеса, формирования капитала;

– превращение элементов искусственного интеллекта в стандарт работы на ключевых рынках и доступа к ним, а также анализа информации;

– актуализация непосредственных эффектов от изменения климата.

В этом смысле будущее – ни в коем случае не «продленное настоящее». Адаптация к нему требует избытка ресурсов и адаптивного управления. В этих обстоятельствах первое, что нам нужно понять – как и какого типа мы обретаем субъектность. Рассмотрим ее основные черты (рисунок 6):

1. Формируется новая модель мировой экономики: «острова в океане». Это – многоуровневая система. Сети глобальных корпораций, платформ, институтов и медиа – и, «в пару им», набравшая силу во время пандемии Covid-19 и «санкционных войн» глобальная бюрократия. Новый тренд: «национализация» глобальных сетей (Alibaba / Taobao – китайская, Amazon – явно американская).

2. Центры силы, ядра суперэкономик, обладающие суверенитетом и контролирующие / воспроизводящие (в том числе политико-силовым путем) технологии, источники сырья, «юбки» постоянных коопераций, в совокупности (вместе с партнерами) устойчиво контролируемые значимые доли мирового ВВП (USUKCANZ, Миттель-Европа, Китай, Японо-южнокорейская экономическая империя).

3. Суверенные «производящие центры» второго порядка размерности – размер поменьше, специализация частичная, маневрируют между игроками. Некоторые из них в перспективе смогут быть суперигроками, некоторые – нет.

4. Супердоминионы (большой размер, какие-то критически значимые ресурсы, важная роль для кого-то из игроков, суверенитета в полной мере нет). Некоторые из «суперэкономик» по размеру не являются суверенными и не смогут, очевидно, удержать позицию лидера мировой экономики.

5. «Дальняя ресурсная» периферия (тесно завязаны на центры силы; большинство стран Африки и Центральной Азии).

6. Мировой пролетариат – страны, не обладающие уникальными ресурсами и легко заменимые в рамках разделения труда.

7. «Пространство лишних» – вообще не имеющих постоянной легальной специализации. «Область тени», обычно – беднейшие страны.

	Суперэкономики, ядра «центров силы»	Лидеры второго порядка	Россия	Супердоминионы «центров миль»
Суверенная программа развития	Да, так или иначе (9/10)	7/10	«в процессе...». 7/10	Не суверенна, 5/10
Наличие собственных глобальных корпораций	Да, 10/10	Нет или слабые 3/10	Почти нет, 3/10	Нет, 1/10
Наличие оригинальных институтов, культурная глубина	Да, 9/10	6/10	8-10/10	5/10
Наличие компетенций в научно-технологической сфере	Да, 8/10	6/10	5/10	4/10
Избыточность ресурсов развития с точки зрения возможности спонтанного возникновения прорывов	Да, 9/10	5/10	5/10	2/10
Современные технологии управления сложностью / экосистемами	7/10	7/10	5/10	4/10
Суверенный контроль над критическими ресурсами	10	7	10	6
Современные вооруженные силы, шире – система национальной безопасности	9-10/10	7-9/10	8-9/10	6/10, нуждаются во внешнем обеспечении безопасности
Кооперация с внешними игроками, позиция на высокомаржинальных рынках	8/10	По разному, скорее да 6/10	Скорее нет, 4/10	По разному, скорее да 5/10
Самостоятельное воспроизводство элиты	7/10	7/10	8-9/10	Нет, 4/10
Наличие союзных стран, вынос туда ресурсоемких / трудоемких / требовательных к логистике производств	9/10	Сложно, 6/10	ЕАЭС; 6/10	Иногда, 4/10
Наличие своей валюты и развитых финансовых институтов	9/10	6/10	Слабовато, 4/10	Нет 2/10
Размер экономики	Большая, порядка 8-10% мирового ВВП	4-7% мирового ВВП	2,5-3% мирового ВВП по ППС	4-7% мирового ВВП

Рисунок 6. Контуры новой субъектности

Технологическая и экономическая мощь позволят России претендовать на роль значимого полюса мира. Россия, видимо, не дотягивает до уровня суперэкономики, и вопрос – сможем ли мы стать устойчивыми лидерами второго порядка? Потому что все остальные будут не субъектами, а объектами мировой политики. Для нашей страны это, очевидно, недопустимо.

За этим набором проблем, перед которыми стоит мир, существует ещё и старая марксистская проблема суперотчуждения. Это отчуждение не только работника от результатов труда, от доходов, но и от понимания, что происходит вокруг него, по большому счёту, в эпоху постправды и цифрового регулирования процессов. Основные направления этого процесса:

1. Новое отчуждение: производство – роботы, которые делают вещи под управлением людей под управлением ИТ под управлением людей под управлением нейросетей.
2. Получение информационной картинки «под человека» – распад общества на некоммуницирующие друг с другом локусы. Эпоха пост/мультиправды, эрозии «истинного».

Человек в новой реальности рассматривается и как субъект развития общества, и как объект приложения социальных технологий. Вся эта ситуация создаёт для России уникальную возможность дать свой, оригинальный ответ на вызов времени, опирающаяся на присущие нашей культуре сложные, диалектические формы мышления, с выходом в «третью позицию» в жестких противоречиях, формирующих, как кажется, неразрешимую повестку на ближайшие 10-15 лет:

– техническая цивилизация порождает развитие, но и нагрузку на природную среду в сочетании со стремлением к природному балансу. Это ведет к социальной деградации, усилению позиций «возделывания Сада», образа «природы, посвященной Св. Духом» и т.д.;

– индивидуальный человек, беззащитный к манипуляциям и подавлению со стороны корпораций, в сочетании с безумием индивидуализма, где индивидуальные свободы не совмещаются в «общее дело»;

– закрытое от понимания человеком механизмов получения решений «мышление» систем искусственных интеллектов в сочетании с «интеллектуальной технофобией»: совместное мышление, практика коллективного интеллектуального творчества, позволяющее преодолеть ограниченность индивидуального мышления.

Сама возможность этого, оригинального российского, ответа определяется выживанием и развитием страны, а значит и общества в новых условиях, опирающимися на научно-технологический и промышленный капитал.

Но проблема в том, что нас вообще будут слушать, только если мы достаточно сильны. В своё время участие православной России в диалоге по установлению правопорядка в XIX в. обеспечивалось наличием сильных армии и флота. Нас будут слушать, если мы достаточно сильны. Вот если у вас есть флот, первоклассная армия, первоклассная промышленность, то слушают вашу позицию по поводу защиты хоть православных братьев, хоть новых правил международных отношений. Если у вас нет, то вы становитесь просто обитателями какого-то культурного ареала. Какие разговоры об умном? Отсюда основной вопрос и задача для России – опереть нашу культуру, наши ценности и так далее на технологическую, экономическую, управленческую и любые другие виды мощи.

Возвращаясь к уже сказанному, после завершения глобального кризиса – в 2035–2040 гг., может быть заключена новая «большая сделка» или «договор», какой обычно заключает мировое сообщество после мировых войн. Задача России – стать не объектом, а субъектом этого договора.

Список литературы

1. Белоусов Д.Р. О сопоставлении структурного и морфологического подходов к сценированию долгосрочных социально-экономических процессов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5 (206). С. 59-71.
2. Переслегин С. Космос как необходимость // Дружба Народов. 2021. № 4. С. 194-206.

References

1. Belousov D. R. (2024) O sopostavlenii strukturnogo i morfologicheskogo podkhodov k stsenirovaniyu dolgosrochnykh sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov [On the Comparison of Structural and Morphological Approaches to Staging Long-Term Socio-Economic Processes]. Studies on Russian Economic Development, 5 (206), pp. 59-71.
2. Pereslegin S. (2021) Kosmos kak neobkhdimost' [Space as a Necessity]. Friendship of Peoples, 4, pp. 194-206.

D. R. Belousov³. Structural Changes in the Global Economy: From Obvious Shifts to Strategic Uncertainty⁴. Identifying key trends and structural shifts in the global economy driven by the transition from a bipolar model to a “mosaic” world of interacting power centers, as well as defining Russia’s potential positions and role within the emerging architecture of international economic relations, has acquired significant theoretical and practical importance. This study identifies a paradoxical phenomenon: while production, applied science, and security are undergoing regionalization, the financial and institutional systems remain global, creating a conflict between the “geo-economic mosaic” and the monopolar financial order. The article demonstrates that traditional scenario analysis tools are losing practical validity, as the global hegemon (the USA) creates and breaks rules with equal success, generating chaos rather than order. Based on the analysis, the author argues that China has become the leading trading partner for twice as many economies as the USA, increasing its share in global patents and R&D while avoiding the role of a new hegemon. A transition from a hierarchical world order to a “mosaic” model is established. Possessing a unique cultural and civilizational matrix, Russia can offer an original response to global challenges: a “third position” between technogenic expansion and eco-stagnation, between individualism-without-community and corporate manipulation, and between AI as a “black box” and technophobia. However, the realization of this role depends on aligning culture and values with real technological, economic, and military power. Based on the propositions presented in the article, Russia’s task in these new conditions is to become the subject, not an object of a new “grand bargain”.

Keywords: global economy, deglobalization, regionalization, technological sovereignty, demographic crisis, artificial intelligence, hegemony, mosaic world.

---

³ *Dmitry R. Belousov*, Deputy General Director, Head of the Macroeconomic Analysis and Forecasting Field at the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting (47 Nakhimovsky pr., Moscow, 117186, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences, e-mail: dbelousov@forecast.ru

⁴ The article is based on the report presented at the 11th Saint Petersburg International Economic Congress (SPEC-2026) “The Russian Economy amid the Transformation of the World Order and the Prospects for Nootransition” (26 March 2026).